

УДК 821.161.1-3
ББК 82.2 (2Рос=Рус) 6-44
К 30

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-904-0141*

Качан, Э. Н.
К 30 Избранный: Роман / Эдуард Николаевич Качан. — М.:
Сибирская Благовонница, 2019. — 701, [3] с.

ISBN 978-5-00127-103-1

Почему Господь терпит грешников? Потому, что ждет нашего исправления, Он ждет нашего покаяния и ведет нас по тем дорогам, на которых мы можем Его, нашего Господа, найти. Иногда это совсем простые пути. Но случаются и очень заковыристые. Герою романа предстоит пройти непростым путем, и он поймет, что всю свою предыдущую жизнь он ошибался.

УДК 821.161.1-3
ББК 82.2 (2Рос=Рус) 6-44

© Качан Э. Н., текст, 2019
© Сибирская Благовонница,
оформление, 2019

*Автор благодарит протоиерея
Николая Несправу, чьи воспомина-
ния о миссионерской поездке в Но-
вую Гвинею послужили толчком для
создания данной книги.*

Глава 1

Преступление и наказание

Быть дельфином не очень-то и плохо! Но-сишься по бескрайним океанским просторам, разрезая воду гибким и сильным телом, пере-кликаешься с собратьями при помощи свистящих и лающих звуков, ловишь рыбу, удираешь от акул, катаешься на волнах! В общем — красотища!

Правда, под водой дельфин дышать не может, ему необходимо время от времени выныривать, чтобы вдохнуть воздух полной грудью. Но выныривать — тоже здорово! На поверхности столько интересного! К тому же у дельфина не самая лучшая память, и он может раз за разом удивляться какому-нибудь облачку на небе. Или звездам, если дело ночью. Или какой-нибудь чайке, хотя видел эту чайку и вчера, и позавчера. Если поразмыслить, чайка — это такое чудо! Впрочем, и сам дельфин чудо тоже.

Но в этот день дельфин, вынырнувший на поверхность невдалеке от берегов Новой Гвинеи, действительно увидел такое, чего раньше никогда не видал.

Прежде всего, он заметил корабль. Корабль как корабль, небольших размеров, вполне обычный, из тех трудяг, что бороздят моря, перевозя различные грузы. В общем, ничего особенного, таких кораблей тысячи и тысячи в океане. Дельфины любят плавать рядом с кораблями.

Но на палубе этого корабля и в самом деле происходило кое-что странное — с полдюжины людей волокли к борту высокого худощавого парня лет двадцати. Зачем? Дельфин не мог этого понять. Хотя любой человек догадался бы сразу — рядом с кораблем качалась на волнах маленькая шлюпка, двухвесельная, рассчитанная на одного гребца. Шлюпка была абсолютно пуста.

Высокому парню явно не хотелось оказаться ни в этой шлюпке, ни в море рядом с ней. Поэтому он отчаянно сопротивлялся. Когда до борта оставался метр, он изловчился, крутнулся ужом, сумел освободиться из державших его рук и побежал. Вот это удивило дельфина больше всего. Дельфин не самое умное существо на Земле, но даже ему понятно: на корабле убежать нельзя, так как бежать некуда!

Это же прекрасно понимали и матросы. Они преследовали высокого парня, но без лишних

нервов и особой спешки, прекрасно зная, что никуда он от них не денется. И верно — прошла минута, и непокорный беглец был схвачен вновь. Последовала короткая и жаркая потасовка, но силы были не равны, и спустя несколько секунд парень был сброшен вниз, в соленую морскую воду.

Корабль потряс хохот — моряки довольно засмеялись, как будто в полете человека с борта есть что-то забавное.

«Бывает же такое! — подумал изумленный дельфин. — За что это они его, а?»

Не то чтобы этот дельфин вообще ничего не смыслил в драке — он был опытный боец, и на его боку еще красовался глубокий след от зубов акулы. Впрочем, скоро заживет: на дельфине все заживает как на собаке, даже лучше! В общем, дельфин понимал, что высокий парень был в чем-то не прав перед своими двуногими приятелями. Но что же надо сделать, чтобы тебя выкинули в море вот так, головой вниз?!

Нет, для дельфина в этом не было бы ничего страшного: море — его дом. Но человек ведь и утонуть может! Что же он сделал?

Может, он у них всю рыбу съел, товарищам не оставил? Или какую-нибудь самку обидел? Хотя кто его знает, какие причины обижаться бывают у них, у людей! Они странные существа: без плавников, в море могут выходить только

на кораблях, рыбу ловят не зубами, а страшными сетями, в которые и дельфину лучше не попадаться! Нет, не понять дельфину человека до конца. Как и человеку дельфина.

Нет, всё-таки зачем они выбросили парня в воду? Хорошо еще, что он упал в двух метрах от шлюпки, а не шлепнулся прямо на нее! Переломал бы все кости, а он не дельфин, на нем не зажило бы!

В общем, философски настроенному дельфину с раной на боку было о чем поразмыслить. Но время не ждет — ему нужно плыть дальше по своим дельфиньим делам! И вскоре он уже вновь на огромной скорости несся по родной водной стихии, напрочь забыв и о корабле, и о сброшенном с него парне. Хорошо быть дельфином — ему неведомы людские горести. Впрочем, людские радости ему неведомы тоже.

А между тем сброшенный в воду парень пытался залезть в шлюпку. Подплыв к ней сбоку, он схватился за борт, подтянулся, но шлюпку сильно качнуло, и парень разжал руки — ему показалось, что суденышко вот-вот перевернется. Затем он повторил свою попытку — но так же неудачно.

На корабле вновь дружно рассмеялись.

— Паштет, помочь? — раздалось оттуда.

Но тот, кого называли Паштетом, не спешил просить о помощи. Тоже мне — устроили

представление, ржут, как кони! Ничего, и без вас справимся!

Он, конечно, уже понял, что сбоку попасть на шлюпку не сможет. С минуту он просто плавал рядом с суденышком, соображая, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Затем догадался — шлюпка легко переворачивается, если наклонить ее набок, но если попытаться залезть с носа или с кормы, то суденышко не перевернется. При нагрузке на эти части оно будет гораздо устойчивее — форма такая!

Паштет подплыл к носу шлюпки, схватился за борта, подтянулся, но не нашел, куда поставить ногу для опоры. Тогда он подплыл к корме. Здесь тоже залезть было непросто, и всё же на этот раз нашлись упоры и для рук, и для ног. Вскоре парень благополучно забрался на суденышко, встал, выпрямился и независимо посмотрел в сторону своих мучителей.

Вода стекала с его головы и одежды. Надо сказать, что выглядел он совсем не так, как остальные моряки. Подобных франтов, одетых щегольски, с иголки, скорее встретишь в театре или в ресторане, чем посреди океана, в компании закаленных морских волков. Тем не менее парень был членом команды. Он исполнял обязанности корабельного медика.

— Ну что, освежился, Паштет? — крикнул ему с борта человек важного вида — капитан

судна, которого все звали на иностранный манер — Кэп.

Вопрос не требовал ответа, поэтому парень в шлюпке ничего не сказал, а только убрал со лба мокрые волосы. Потасовка с моряками не прошла для него бесследно — с разбитой губы текла кровь, а под глазом стремительно наливался синяк. Но синяки — это мелочи! В данный момент парень был больше всего доволен тем, что в воде с него не спали туфли. Свою дорогую обувь он очень любил.

— Честно говоря, Паштет, я не ожидал, что ты сделаешь мне такую подлянку, — продолжил Кэп. — В старые добрые времена за такие проделки вешали на фор-марс-рее!

Паштет криво усмехнулся и тут же поморщился — разбитая губа болела. Какая именно мачта называется «фор-марс-рей», он не знал и был уверен, что в ближайшее время не узнает. Чтобы горячий и нетерпеливый Кэп распорядился его повесить?! Да никогда! Характер не тот, ждать устанет — это ведь готовиться надо, петлю сооружать. Долго! Вот пристрелить — это, пожалуй, да! Бах! — и готово. Но повесить — нет, это не его стиль!

Словно подслушав его мысли, капитан сказал:

— Сейчас времена попроще, у меня руки чесались пристрелить тебя и вышвырнуть за борт на корм акулам! Слышишь, крыса вонючая?!

Произнеся всё это, Кэп достал из кармана пачку сигарет, закурил. Вся команда, до последнего человека, стояла сейчас у борта. И неудивительно — корабельный медик попался на краже груза и сейчас будет наказан. Такие события раньше на корабле не происходили, и теперь всем было жутко интересно. На торговых кораблях так плохо с развлечениями! Даже кок пришел, хотя ему, кажется, именно сейчас надо было доваривать обед.

Стоявший в шлюпке Паштет вновь усмехнулся. Капитан назвал его «крысой». На уголовном сленге «крыса» — это тот, кто ворует у своих. Но какой же он Кэпу свой? Он ему не друг, не родственник и не компаньон. Так, мелкий работник, выполняющий свои обязанности за гроши! Нашел своего!..

Но говорить это капитану вслух он не стал — глупо злить человека, в руках которого находится твоя жизнь. Но и молчать, пожалуй, тоже не следовало. Поэтому Паштет крикнул, обращаясь к коку:

— Эй, Макс, ты-то чего здесь?! В цирк давно не ходил? Беги скорее на камбуз, каша подгорит!

Коку, кажется, было что сказать в ответ, но капитан поднял руку вверх, и кок предпочел промолчать.

— Ты за Макса не беспокойся, — ответил Кэп за кока. — Кашу испортит — другую сварит.

Тебе за себя лучше беспокоиться, друг сердешный! Я всегда считал, что тех, кто крысятничает, убивать надо! Нет никого хуже крысы. Тем более крысы неблагодарной! Я взял тебя и Седого на борт, когда у вас менты на хвосте сидели: взял, между прочим, сильно рискуя! А ты чем меня отблагодарил?

На это Паштет не ответил. Он сплюнул за борт кровавую слюну и приложил к ране сложенный вчетверо носовой платок. Платок был мокрым, как и вся одежда.

Да, конечно, всё так и было — капитан, взяв их на борт, помог бежать от преследования. Вот только альтруизм здесь не при чем. Паштет и Седой согласились на первую же предложенную зарплату, не торгуясь ни минуты. На их зарплатах капитан сильно сэкономил! Нормальным морякам пришлось бы платить намного больше. Да и медицинские инструменты с лекарствами Кэп заставил Паштета за свои деньги купить. Паштет тогда сильно потратился. В общем, зря капитан корчит из себя святого!

— Чем ты меня отблагодарил?! — повторил Кэп с нажимом. — Начал тырить товар! Тырить! У меня!!! И какая же ты... Еще на берегу запасся мелом, чтобы подменивать его на порошок. Кстати, я и не знал, что ты такой жадный! Успел подменить два килограмма! Зачем тебе

столько героина, Паштет? Хотел купить квартиру в Нью-Йорке?

— Нет, в Рио-де-Жанейро! — ответил Паштет зло; ему было страшно, но он знал: в такие моменты показывать слабинку нельзя. — Мой кореш, Ося Бендер, говорил, что там все ходят в белых штанах!

Он сказал это негромко, но ветер донес ответ до стоявших на корабле. Эти слова вызвали приступ веселья — вся команда там, на корабле, дружно заржала. Вот же, смеются и смеются! Точно в цирке давно не были! Надо посоветовать Кэпу, чтобы он часть зарплаты выдал им билетами в это заведение: пусть отсмеются всласть!

Лишь один матрос не смеялся. Это был одноклассник и давний друг Паштета по прозвищу Седой. Он стоял позади всех и смотрел на происходящее с отчаянием и страхом.

— Думаю, что белые штаны в ближайшее время тебе не грозят! — продолжил свою речь Кэп. — Перевозка такого деликатного груза — штука суровая, и за крысятничество в нашем деле убивают, Паштет. Но я тебя не убью. Много лет назад твой отец очень помог моей матери. Из уважения к нему я оставляю тебе жизнь.

Паштет лишь пожал плечами в мокрой рубахе. Его отец был обычным священником и служил в маленькой церквушке на окраине Большеграда. По мнению Паштета, все священники

были людьми бесполезными, и чем мог матери Кэпа помочь его папаша, он не представлял.

Хотя, справедливости ради, надо признать — священник Георгий Воскобойников старался быть человеком деятельным. То с наркоманами возился, пытаясь их от зелья отвадить, то деньги собирал, а на них лекарства и детское питание покупал для брошенных младенцев, когда в Доме малютки стало совсем плохо с финансированием.

И алкоголикам пытался помогать. Даже хотел организовать православное общество трезвости. Люди, состоявшие в нем, должны были подражать Иоанну Крестителю, который, как известно, вина не пил и своим примером воодушевлял не пить других [см. примечание 1]. Кажется, у папаши Паштета с этой затеей ничего не вышло.

Но, может быть, он отвадил от пьянки мать капитана? Судя по характеру Кэпа, у его маман могли быть серьезные проблемы с алкоголем, и начались они задолго до рождения сына. Поэтому он и родился таким идиотом! Паштет чуть не ляпнул это вслух, но вовремя прикусил язык. Кэп сказал, что оставляет ему жизнь, однако ведь мог и передумать!

— Но и наказать тебя надо, — сказал капитан, щелчком пальца отправляя еще горящий окурочек в морскую воду. — Иначе здесь все

решат, что товаром можно набивать карманы! А ведь нельзя, Паштетик, нельзя! В общем, наказание будет таким: вот тебе шлюпка! Между прочим, прекрасная шлюпка, от сердца отрываю! Мы пойдем своей дорогой, а ты своей — на этой шлюпке. Счастливого пути, Паштет! Не кашляй!

Паштет не удивился — он ожидал чего-то подобного. Не зря ведь спускали шлюпку на воду! Но и радости от слов капитана Паштет, естественно, не испытал.

— Куда же мне плыть? — хмуро поинтересовался он.

— Куда тебе угодно, мне до этого нет никакого дела! — заявил капитан. — Хоть на Северный полюс, ведь ты свободен как ветер. Впрочем, видишь берег, Паштет? — Капитан указал куда-то за спину незадачливому вору. — Он к тебе ближе всего. Это Новая Гвинея. Прекрасное место. Малярийные комары, вараны, ядовитые змеи! А уж крокодилы какие! Отличные крокодилы, самые крупные в мире. Кстати, хотя крокодил — животное пресноводное, но местные крокодилы способны жить и в соленой воде. Кажется, они одни такие на планете; Впрочем, точно не помню. Но знаю, что они заплывают далеко в океан, так что встретиться с одним из них ты можешь прямо здесь! Уверен — интереснейшая будет встреча! И в довершение ко всем новогвинейским прелестям — дикари. Прекрасный народец; правда,

маленько диковатый. Насколько я знаю, они делают лепешки из ствола саговой пальмы, всю трескают червяков, но главное — любят разнообразить меню всякими ротозеями вроде тебя! Уж не знаю, станут они тебя варить, жарить или сырым съедят... Но это ты выяснишь сам. Жаль, при встрече рассказать не сможешь — любопытно ведь! В общем, нескучное место, Паштет! Тебе понравится, крыса поганая!

Паштет оглянулся. Действительно, сзади виднелась полоска берега. Кажется, до нее было довольно далеко.

— А остаться без врача не боишься? — спросил он капитана. Перспектива высадиться в одиночку на новогвинейском берегу его совсем не радовала.

— Не боюсь! — ответил Кэп. — Я врача возьму на борт в ближайшем порту. Да и потом — какой ты врач? Студент-недоучка. Только клизмы можешь ставить да давление измерять.

— Ага, ну да — если понадобится, ты кому-нибудь забацаешь клизму собственноручно! — скривился Паштет. — Ну, а если я там, в Новой Гвинее, расскажу властям, что на этом корабле не только вполне легальный груз лекарств, но и героин, в ба-а-альших количествах? Что тогда будет? Как тебе перспективка провести лет двадцать в местной тюрьме? Или в австралийской?

Капитан угрозы не испугался.

— Здесь место пустынное, Паштет, — ответил он. — И прежде чем ты найдешь ближайший город, а в городе хоть кого-то, кто говорит по-русски, пройдет много времени. На тот момент я уже сгружу груз куда нужно, на борту и крошки не останется. Так что у твоих слов не будет ни малейших доказательств. Кстати, я совсем не уверен, что ты вообще сможешь добраться до города. Место здесь не самое благоприятное для европейцев. Впрочем, если доберешься — твое счастье. И у меня совесть будет спокойнее. Я всё-таки деловой человек, а не убийца. Хотя уверен: крыс надо убивать. В общем, закончили дебаты. Ариведерчи, Паштет!

Паштет внимательно посмотрел на капитана, оглядел команду. Кажется, Кэп в самом деле не шутит, и команда защищать проворовавшегося доктора не будет. Даже Седой молчит, несмотря на то что друган! Впрочем, а что он скажет? Паштет и в самом деле накосячил: что ни говори, а красть «товар» — серьезное преступление! К тому же он проворачивал всё сам. За это Седой тоже может обижаться — раньше все свои делишки они обдывали вместе. Все без исключения. Несколько лет подряд.

Между тем Седой подошел к капитану и что-то тихо сказал ему. Капитан так же тихо ответил. Завязался разговор, слов которого Паштет не слышал. Неужели Седой уговаривает капитана

пожалеть его?! Рискованно! Кэп может решить, что Седой действовал с Паштетом заодно!

Но недоумение разрешилось быстро.

— Слышь, Паштет! — крикнул капитан. — Твой кореш говорит, что в джунглях не выжить без мачете. Как по мне, он прав. Мачете у нас нет, но кое-что я тебе дам. Эй, Макс! — обратился он к коку. — Принеси Паштету хлебный нож! Самый большой захвати, не жадничай. И еще возьми хлеба и флягу воды. Мы всё-таки не звери, дадим нашему бывшему товарищу припасов на дорожку! Да, и заскочи в его каюту, принеси барахло — чемоданчик там, небольшой, черный. Пусть забирает. Мне от крысы ничего не надо!

Кок тут же метнулся исполнять поручение — дисциплина на судне была железная. Вскоре Паштету в лодку спустили его чемоданчик с медицинским скарбом, половину буханки хлеба, флягу с водой и большой нож. Паштет попробовал лезвие ножа. Да, это не мачете! Лезвие гнулось и было явно не из самого прочного металла! Такое быстро сломается. Впрочем, выбирать не приходится, и на том спасибо. Вообще-то кок захватил не всё — в каюте осталось кое-что из одежды, но Паштет решил не мелочиться и об этом не напоминать. Больно надо — из-за каких-то тряпок унижаться!

— Эй, Паштет, лови! — крикнул капитан и что-то швырнул.

На дно шлюпки с громким стуком упал пистолет. Паштет нагнулся, поднял его, повертел в руках. Как любой мальчишка, он интересовался оружием и узнал эту модель. Капитан «презентовал» ему пистолет Макарова, из тех, что поступают на вооружение милиции. Паштет более-менее представлял, как с таким обращаться.

— Хороший пистолет, дарю! — крикнул капитан. — В нем одна пуля. Я читал, что так поступали пираты. Можешь пристрелить крокодила, если сумеешь, конечно!

Паштет погладил рукой вороненое дуло пистолета. В голове возникла мысль направить его на капитана и потребовать вернуть его на корабль. Но мыслишка была так себе — Кэп не робкого десятка, профессия контрабандиста и наркоторговца располагает к смелости. К тому же, чтобы защититься от угрозы Паштета, Кэпу достаточно просто присесть, и тогда его защитит борт. Пуля у Макарова мягкая, тупая и борт с этого расстояния вряд ли пробьет. А после таких дел капитан и в самом деле может решить просто пристрелить Паштета. Нет, риск слишком велик, не годится!

— Эй, Паштет! Справа по борту крокодил! — крикнули с корабля.

Паштет дернулся вправо, пистолет в его руке заплясал. На корабле вновь дружно заржали. Никакого крокодила в волнах не наблюдалось,

это была шутка, и бравым морякам она показалась удачной.

— Счастливо оставаться, Паштет! — Капитан дружелюбно помахал рукой. — Я на твоём месте начинал бы плыть! Ветер поднимается. Если волны станут сносить тебя в море, то до острова ты можешь и не добраться. И тогда будешь молить Бога о смерти в зубах крокодила! Потому что умереть в океане от солнца и без питьевой воды — то ещё удовольствие! Сигаретку дать, Паштет? Так сказать, на добрую память?

— Сигаретку? — Паштет машинально провел рукой по карману брюк. — Дай, если не жалко. Мои в каюте остались. Макс, шляпа, не догадался притащить!

— Он о твоём здоровье заботился! — ответил на это Кэп. — Курить вредно.

Капитан извлек из кармана пачку и принялся в ней копать. Паштету не было видно, что именно делает капитан. Но спустя несколько секунд пачка полетела вниз и очень удачно упала на дно шлюпки, как пару минут назад пистолет.

Паштет подобрал пачку, открыл, перевернул, высыпая содержимое на ладонь. Из пачки вывалилась одна сигарета и спичечный коробок. Паштет приоткрыл коробок. В нём была одна спичка.

— О, благодарствую! — крикнул Паштет и отвесил в сторону корабля шутовской поклон. — Вы так щедры, господин капитан!

— Как заслужил! — был веселый ответ. — Покедова, воруага! Братва, по местам! Представление закончилось!

Последние слова были сказаны команде. Матросы тут же отошли от борта и разбрелись по своим местам. Последним от борта отошел Седой. Видимо, он хотел что-то сказать своему другу, но не находил, что именно. Но и просто так уйти он не мог. У Паштета мелькнула мысль, не попросится ли Седой к нему в шлюпку, так сказать, разделить судьбу старого товарища. Но, видимо, страх сгинуть в зубах крокодила или в костре каннибалов пересилил дружеские чувства Седого. Он нерешительно пожал плечами, безнадежно махнул рукой и отошел от борта. Но спустя секунду вернулся, словно что-то вспомнил, неумело перекрестил Паштета и быстро ушел, на этот раз окончательно.

— Надо же, какие нежности! — пробормотал Паштет. — Как вернется, может попроситься к моему папке диаконом!

Между тем борт корабля опустел. Представление и вправду закончилось. Паштет был предоставлен собственной судьбе.

— Козлы! — пробормотал Паштет.

Он сел на сиденье шлюпки, которое почему-то называют «банкой», и взял в руки весла.

Глава 2

Знать бы еще куда...

Солнце уже скрылось за горизонтом, когда нос шлюпки вдруг зацепил дно. Да, о да! Это был берег! Вот он, совсем рядом! Наконец-то! Наконец-то!!!

Сколько же часов он греб? Явно очень много. Оказывается, трудно преодолеть большое расстояние на шлюпке, если держишь весла в руках в первый раз в жизни. Но он доплыл! И в океан его не унесло, и акула до него не добралась. И крокодил, который умеет жить в соленой воде, тоже.

Доплыл! Доплыл!!!

Правда, еще предстояло вытащить на берег шлюпку. Паштет неловко прыгнул в воду, едва не перевернув свое суденышко. Воды было чуть выше колена. Он обошел шлюпку, встал у задней ее части и принялся толкать. Очень скоро нос суденышка уперся в прибрежный песок. Тогда

Паштет обежал шлюпку вокруг и принялся за-таскивать ее на берег, держась за носовую часть. Через минуту шлюпка оказалась на суше, и теперь ее не могла унести в море случайно набежавшая волна.

Вот теперь — точно всё! Он на месте!

На радостях Паштет схватил флагу с водой и жадно припал к горлышку. По-хорошему, нужно было бы воду экономить — кто его знает, как с питьевой водой в этой части Новой Гвинеи? Но Паштет пил, пил, пил и не мог остановиться. Наконец он утолил жажду, закрыл флагу, положил ее и в изнеможении сел на песок рядом со шлюпкой. Сколько там еще осталось воды? Кажется, меньше половины. Но ничего, здесь ведь не пустыня Сахара! Найдем воду, найдем!

Он достал из кармана пачку с единственной сигаретой, чиркнул единственной спичкой, закурил. Руки дрожали. Как же он устал! И ладони стер до кровавых мозолей. Ничего, это мелочи. Главное — что добрался. Но как же здесь темно! Хоть глаз выколи. С другой стороны, чему удивляться? Небо заволокло тучами, ни луны не видно, ни звезд.

Последнюю сигарету было жаль, но, как говорится, перед смертью не надышишься. В любом случае Паштета ждал какой-то период без курева, и было мало разницы, сейчас он наступит

или потом. Придется помучиться, конечно, но — ничего! Без сигарет не умирают.

«И всё-таки я приплыл, — сказал он сам себе, выпуская из легких очередную порцию дыма. — Знать бы еще куда...»

Впрочем, кое-какая ясность в этом вопросе имелась: капитан не соврал, похоже, что места здесь действительно пустынные и Паштет попал на безлюдный берег. Иначе где-то виднелся бы огонек, верно? Фонарь горел бы, или свет в чьем-нибудь окошке призывно поблескивал. Но ничего этого не было и в помине. Не живут в этой части острова люди, увы! Во всяком случае, люди цивилизованные. Не самое хорошее место на свете, это понятно. Но оно всё равно лучше, чем этот... океан.

Вдоль безлюдного берега тянулась тонкая — на пару десятков метров — полоса песка, что-то вроде дикого пляжа, а за ней стояла черная стена, загадочная и страшная. Стена эта называлась «джунгли».

Джунгли безмолвствовали. В Большеграде обязательно в теплую ночь то стрекочут цикады, то лают вдали собаки. Здесь же до Паштета не доносилось ни шороха, ни звука. Запахи вот ощущались: легкий ветерок дул от джунглей в сторону моря и доносил до Паштета запахи зелени и сырости. А вот звуков не было вообще, как будто в джунглях только росли деревья, но не водилось ни единого животного.

Докурив, Паштет вдавил окурок в песок. И тут же услышал звон у самого уха. Это комар! Звенит так же, как и его большеградские собратья. Вот только в Большеграде они не разносят смертоносные болезни, а здесь — сколько угодно!

Паштет не был самым прилежным студентом в мединституте, но даже он, врач-недоучка, знал, что малярия может быть страшнее крокодила. Он не любил в школе географию и почти ничего не слышал о Новой Гвинее. Единственное, что помнил, так это имя знаменитого путешественника Миклухо-Маклая, который здесь бывал и якшался с местными племенами. Местные, кстати, хоть и каннибалы, великого ученого почему-то не съели. Наверное, этот человек умел находить с ними общий язык. Дикари-то не съели, но Миклухо-Маклай, если Паштета не подводила память, умер еще не старым человеком, чуть-чуть за сорок. И самой вероятной причиной столь ранней смерти авторы учебника считали последствия малярии, которой он страдал здесь, на этом проклятом острове!

Вот ведь какой гадостью может наградить тебя обычный комар! И опять звенит над ухом.

Паштет махнул рукой, отогнал комара, но вместо одного к нашему герою подлетело еще несколько. Паштет попытался отогнать и их. Но комары наседали, и Паштет решил, что

хорошо было бы подобрать какую-нибудь ветку и отгонять назойливых кровососов ею, как корова отгоняет мух хвостом.

Охая, как древний старик, он поднял с песка свое уставшее тело. За веткой нужно было идти туда, к страшной черной стене. К джунглям.

Паштет поднял со дна шлюпки пистолет. Передернул затвор, дослал единственный патрон в патронник и двинулся в сторону тропического леса. Подумав, он всё-таки поставил пистолет на предохранитель. Не хватало еще случайным выстрелом прострелить себе ногу! А снять пистолет с предохранителя — плевое дело, одно движение большим пальцем, не больше секунды.

Джунгли и манили, и пугали. Надо сказать, что Паштет никогда не был в лесу. Хотя нет, был один раз — когда ему было лет двенадцать, семья в первый и последний раз отправилась в сосновый лесок за грибами, маслятами. Идея оказалась неудачной — маслят нашли мало, к тому же все они оказались червивыми. После о таком виде отдыха не вспоминали, и Паштет об этом ничуть не жалел. После шестнадцати он любил отдыхать иначе. «Красиво посидеть» в баре, потянуть пиво из пузатых кружек, попыхтеть сигареткой — вот это было по нем! В общем, он был городским человеком от макушки до пяток. В лесной жизни Паштет не понимал ровным счетом ничего, туристов, которые лезят

с рюкзаками по диким местам, искренне презирал, считая чокнутыми.

И вот теперь он шел ночью к лесу, да не к какому-нибудь родному, с сосенками и елочками. А к настоящим тропическим джунглям, в которых могло прятаться что угодно! Паштет храбрился, он привык считать себя человеком не робкого десятка, но, откровенно говоря, ему было страшновато.

Оставалось пройти метров пять, когда из джунглей донесся истошный вопль. Паштет остановился, похолодел и даже присел. Вопль тут же повторился вновь. Вроде бы вопль был не человеческий, но кто кричал — зверь или птица, понять было невозможно.

Ноги сами понесли Паштета назад, к шлюпке. Усталость как рукой сняло. Добежав, он спрятался за ней, держа пистолет наготове. Зубы выстукивали дробь, а колени слабели. Что же это было-то?! Птица? Зверь? Или всё же человек?!

Как-то совершенно некстати вспомнилась одна история, случившаяся года три назад. В тот день его старший брат Петька притащил к нему Библию...

Тут нужно на секунду остановиться и кое-что объяснить. У священника из Большеграда Георгия Воскобойникова было пятеро детей — три дочери и двое сыновей. Родились дети

в семидесятые-восьмидесятые годы, когда православное христианство в СССР находилось в состоянии придавленном. Нет, крестили детей почти все, но при этом подавляющее большинство людей в Бога не верили, разве что чуть-чуть. И уж конечно, никто из них и не собирался руководствоваться в жизни Евангелием и заповедями Иисуса Христа. Замечание о том, что крещение — это еще не всё и к нему должна прилагаться **христианская жизнь**, вызывало у этих людей непонимание и смех. Зачем тогда крестили детей? Внятно пояснить это вряд ли кто-то смог бы. Надо крестить, и всё тут. Традиция. И немного страха — а вдруг Бог всё-таки есть? Тогда сделаем небольшой поклон в Его сторону, удовлетворимся этим и дальше будем жить, как привыкли, — безбожно, думая только о земном.

Дичь, религиозная дикость — так размышлял об этом священник Георгий. Он мечтал о том, что когда-нибудь государственный атеизм падет, небольшое количество оставшихся в стране настоящих христиан сможет выйти к людям с проповедью, люди на эту проповедь откликнутся и такое «зачаточное христианство» масс сменится христианством **настоящим**: с покаянием, жадной горнего, молитвой, таинствами, любовью к Богу и ближним.

Он не был уверен, что доживет до этого времени, и потому готовил к проповеди своих детей,

в основном сыновей. Он, собственно, и назвал их Петром и Павлом в честь двух великих апостолов-миссионеров, потому что мечтал видеть их проповедниками, которые помогут народу вернуться к теплу христианства после атеистического холода.

На старшего, Петра, священник не мог радоваться. Сын вырос верующим и упорным. Он не помогал отцу в храме — это было опасно, могло вызвать вопросы со стороны всесильного в ту пору КГБ. Но Петр в совершенстве знал ход службы, едва ли не до дыр зачитал Библию — старую, дореволюционную, еще с ятями и отмененной большевиками буквой «і». Отец считал, что проповеднику требуется знание педагогики, и поэтому после школы Петр послушно поступил не в семинарию, а в педагогический институт.

А вот с младшим, Павлом, приключилась незадача. Вопросы веры ему были неинтересны, точнее говоря, стали неинтересны лет с двенадцати, наверное. Парень обожал шумные компании, кутеж и всё то, что обычные люди называли «радостями жизни», а отец с пренебрежением именовал «радостями плотского человека». Вера отца, матери, сестер и старшего брата вызывала у младшего Воскобойникова смех. Он ничем не напоминал своего великого тезку, апостола Павла, да и имя свое не любил. «Паштетом»

его прозвали во дворе, и он всегда называл себя именно так.

Так вот, принес, значит, Петька Библию. Святое Писание Петр Воскобойников очень любил и, вычитав в нем что-то интересное, обязательно рассказывал об этом всей семье. Неверующий Паштет, разумеется, был последним, с кем Петька готов был поделиться своими открытиями, но как раз на тот момент никого дома не было, и потому Петька с сияющими от счастья глазами притащил Книгу ему.

— Смотри, читай! — сказал он торжественно. — Вот какое существо описывает пророк Исаия: *Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей, и собирать их под тень свою; там и коршуны будут...* [2]. Видишь, летучий змей во времена пророка — это такая же обычная штука, как и коршун! Любопытно — какая именно зверятина имелась в виду? И как бы мы назвали ее сегодня? Интересно, правда, Пашка?

— Неинтересно, — усмехнулся Паштет. — Мало ли что пишут в сказках. Ты еще Синдбада-морехода в пример приведи [3]. В историях о нем описывается здоровенная птица, кажется, размером с гору. Тоже интересно, правда?

На это Петька сразу набычился.

— Во-первых, Библия тебе не сказка, — отрезал он. — А во-вторых, пример ты привел крайне неудачный. Арабские сказания о гигантских

птицах имеют под собой реальную основу. Огромные птицы на самом деле существовали. На Мадагаскаре. Они вырастали до пяти метров в высоту и весили килограмм четыреста. Сейчас ученые называют их эпиорнисами.

— Хорошая была птичка, — заметил Паштет. — Было бы классно такую пристрелить — вся наша семейка трескала бы мясо целый месяц. Петька, если тебе интересно, то и носись с этими змеями да птичками. А ко мне не приставай. Я читаю.

Он как раз читал роман Марио Пьюзо «Крестный отец». Тогда, в начале девяностых, эта книга о мафии была страшно популярна. Мафия больше не была явлением заморским, она стремительно развивалась на развалинах СССР, и некоторые любители криминала использовали книгу Пьюзо как учебник.

Петька надулся, отошел. На том разговор бы и закончился, но Петька поделился своим открытием с отцом. И вот с папашей они поговорили всласть! Разговор этот состоялся в их с Петькой общей комнате, а так как Паштет был дома, то всё слышал.

Оказалось, что отец никогда не верил в динозавров, которые существовали миллионы лет назад и вымерли до появления на Земле человека. Отец говорил, что все или подавляющее большинство народов имеют сказки, сказания

и легенды о драконах. Что из этого следует? То, что когда-то люди действительно делили планету с этими огромными и страшными существами, вступали с ними в сражения и частенько выигрывали. Сказания и легенды — как раз память об этих событиях. Потом драконов повывили, их подзабыли. А в девятнадцатом веке, найдя кости драконов, люди просто назвали их по-другому — динозаврами. Но это в Европе. А вот на Дальнем Востоке кости динозавров считали костями драконов, и отец всерьез полагал, что именно дальневосточные люди и были правы.

К тому же и Святое Писание описывает существ, с которыми мы не встречаемся теперь. То, что их нет даже в современных зоопарках, не должно смущать — мало ли их, вымерших животных! Мы и с германским туром больше не встречаемся, и со странствующим голубем, и с птицей додо, и со стеллеровой коровой [4]. И это совсем не означает, что люди на протяжении своей истории не пересекались с этими существами. Пересекались! И с динозаврами пересекались тоже!

Один из примеров — как раз летучий змей из Книги Исаии. А еще есть бегемот из Книги Иова. Нет, это, конечно, не наш современный гиппопотам! Тот библейский бегемот был огромен, питался травой, никого не боялся и имел хвост свой, подобно кедру [5]. Отец утверждал,

что это явно описание какого-нибудь растительного динозавра — например, диплодока, — который своим хвостом мог пристукнуть кого угодно. Или, скажем, морская тварь, левиафан, который *кипятит пучину, как котел, и море превращает в кипящую мазь* [6]. Это явно не описание крокодила, так как крокодил море не вскипятит. К тому же крокодилов довольно успешно ловят и едят даже самые примитивные человеческие племена, а вот с левиафаном так поступить было нельзя. Его не брал ни меч, ни копье, ни дротик. Конечно, имеется в виду морской гигант, который сейчас считается доисторическим.

Ну и, наконец, дракон, которого убил пророк Даниил во время вавилонского плена [7]. Пророк убил его, накормив комом из смолы, жира и волос. Похожим способом народы Севера охотятся на белого медведя. Они скручивают китовый ус вместе с жиром в ком и подбрасывают хищнику. Северный гигант поедает жир, китовый ус расправляется и протыкает медведю желудок. Даниил использовал для этой цели конский волос или что-то подобное. Как видим, люди в те времена не только встречались с драконами (динозаврами!), но и прекрасно знали, как с ними управляться!

В общем, отец и Петька говорили еще долго. Паштету это было совсем неинтересно. И как могут взрослые люди интересоваться такой чушью!

Отец целую теорию развел, а откуда ему это знать — он ведь священник, а не биолог!

И вот теперь, трясясь от страха в одинокой новогвинейской ночи, он жалел, что слушал невнимательно! Если древние драконы существовали совсем недавно, значит, они могут встречаться и сегодня в каких-то затерянных местах. И кстати, Новая Гвинея вполне для этого подходит! Где уж найти место более затерянное! Вот сейчас как вылетит из этих проклятых джунглей Петькин «летучий змей», который откладывает яйца и заботится о потомстве! Интересно, сможет Паштет уложить его одной пулей из пистолета Макарова?!

Но проходили минуты, а летучий змей из джунглей всё не появлялся. И ничто другое, страшное, оттуда не выбегало, не вылетало и не выползало. А главное, жуткий крик больше не повторялся! Паштет начал было успокаиваться, как вдруг ему пришла в голову еще одна неприятная мысль.

Вот он сейчас спрятался за шлюпкой, с пистолетом наготове и вглядывается в черноту джунглей. С этой стороны он в какой-то степени готов к нападению. Но ведь есть еще море! Море, которое плещется в паре метров от него и к которому он сидит спиной. Кто знает, не придет ли какая-нибудь опасность из моря?! Например, не древний непонятный левиафан, а самый

обычный крокодил! Капитан ведь говорил, что местные крокодилы могут плавать в соленой воде. Вот сейчас эта гадина тихонько подберется к Паштету да как схватит его за задницу!

От этих мыслей Паштета опять пробрала дрожь, и он решил пересесть. Спустя несколько секунд он уже сидел, прислонившись спиной к борту шлюпки, так, чтобы, повернув голову направо, видеть опасные джунгли, а налево — не менее опасное море. Пистолет он держал наготове и таким образом рассчитывал отразить атаку с любой стороны.

— Ну, идите, гады! Идите! — шептал он, сжимая рукоятку оружия и в любой момент готовый выстрелить.

Но никто на него не нападал. Через несколько минут Паштет начал успокаиваться. Схлынул адреналин, и наш герой вновь ощутил, как он устал. Болели руки, ноги, плечи, саднили стертые в кровь ладони. Внезапно он почувствовал, что за плечо его укусил комар. Да, здесь полно комаров, не зря бедолага Миклухо-Маклай от малярии загнулся! Тут, у берега, ветер с океана мешает комарам летать, и всё равно вот уже один добрался. А что там, в джунглях, где и ветра-то нет и у комаров полная свобода, даже думать не хочется.

Нет, нужно выбираться с этого проклятого острова, выбираться! А как? Завтра посмотрим

на местности и подумаем как. С другой стороны, что тут думать? Рядом — море, по нему плавают корабли. Хотя, кажется, правильно говорить «корабли ходят». Моряки очень обижаются, когда при них говорят, что корабль плавает. Впрочем, Паштет не моряк, ему до этих тонкостей дела нет. Для него главное, чтобы с корабля его заметили да и забрали с этого проклятого берега.

Внезапно он ощутил, что очень хочет есть. Потянувшись, достал из лодки хлеб и флягу с водой. Пожалуй, съесть всё сразу — это неправильно! Лучше растянуть дня на два, а то и на три. Может, спасительный корабль не проплывет здесь завтра, может, придется провести на этом побережье несколько дней!

Каким вкусным, оказывается, может быть обычный хлеб, если давно не ел! Паштет откусывал от буханки маленькие куски и тщательно прожевывал их, запивая мелкими, скупыми глотками теплой воды из фляги. В желудке разливалось прекрасное ощущение сытости. А вместе с ним улучшалось настроение. Ничего! Мы еще поживем!..

Он сам не заметил, как съел половину хлебного куска, потом три четверти. Вскоре в руках остался совсем маленький кусочек. Паштет вздохнул и отправил в рот и его. Ладно, переживем и это! Завтра будет день, и не может быть,

Знать бы еще куда...

чтобы он, изворотливый, умный и хитрый Павел Воскобойников, не нашел, чем подкрепиться!

И в этот момент с неба вдруг упала дождевая капля. Одна, вторая, быстрее, еще быстрее! Ого, да здесь начинается нешуточный дождь! Был лишь один способ укрыться от дождя — перевернуть шляпку и залезть под нее, причем сделать это нужно было как можно скорее, иначе в пистолет попадет вода!

Паштет вскочил, рывком перевернул шляпку. Залезть под нее оказалось делом непростым — всё же шляпка была тяжелой, к тому же, залезая, он дважды ударился головой. Здесь, конечно, тесновато, зато под шляпкой он был в сухости и относительной безопасности — как черепаха внутри своего панциря. Дождь молотил сверху, всё усиливаясь и усиливаясь. Но шляпка надежно защищала Паштета от льющейся с неба воды.

Внезапно накатила слабость, и Паштет провалился в сон.

Глава 3

Без лоха и жизнь плоха

Большинство людей видят сны сумбурные, путаные и бессмысленные. Скажем, отец Паштета несколько раз в год, засыпая, видел одно и то же: он не успевает написать дипломную работу и его вот-вот выгонят из университета. При этом в университете он учился лет тридцать назад, причем очень старался, был одним из лучших на курсе и с дипломом проблем не имел ни малейших. Спрашивается, почему ему постоянно снится сон, который ну нисколько не отражает того, что было на самом деле?! И почему другим снится в основном подобный бред?

А вот у Паштета была любопытная особенность: он видел во снах то, что когда-то происходило в действительности. Скажем, случится в жизни яркое событие, и потом Паштет во сне раз десять его увидит, причем именно так, как оно и было, без искажений и в мельчайших

подробностях. Насколько он знал, эта его особенность была довольно редкой — никто из знакомых или родственников похвастаться таким не мог.

Отец заинтересовался странным даром сына. Он вообще был человеком пытливым, любил на досуге почитать что-то умное. Одно время он копался в литературе, посвященной человеческой памяти и снам. Итогом послужила теория, которую он однажды рассказал семье за завтраком. Отец вообще любил составлять теории на многие случаи в жизни.

На этот раз теория была такая: человеческая память фиксирует всё, абсолютно всё. Но большинство информации человеку просто не нужно, и потому она уходит в самые глубины памяти, вроде как мы кладем на полку в кладовке вещь, которая нам сейчас не нужна, но, может быть, пригодится позже. Не будь человеческая природа искорежена грехопадением, мы легко извлекали бы из памяти всё, что нам надо, как легко берем вещь из кладовки, если там порядок. Но мы повреждены грехом, изуродованы. Одно из следствий — человеку зачастую очень трудно извлечь из своей памяти нужное, как невозможно ничего найти в кладовке, где всё свалено кучей, вперемешку, причем от пола до потолка.

Впрочем, иной раз кое-что извлекается само, причем спонтанно и без толку.

Отец рассказывал, что в возрасте шестнадцати лет подрабатывал тем, что замазывал цементом трещины в старых домах. Дома эти пережили войну, и на них сохранились надписи военных времен. Так вот, после подработки прошло лет двадцать, и однажды отцу ни с того ни с сего вспомнилась надпись на одном из домов: «Мин нет. Проверил сержант Джемал Билялетдинов». Причем последняя буква «в» в фамилии сержанта расплылась и была сдвоенной.

Имя сержанта было для Большеграда редким, и отцу страшно захотелось проверить — правильно ли он вспомнил. Поэтому как-то раз, проезжая на трамвае рядом с теми домами, он вышел на ближайшей остановке, прошелся к нужному дому и увидел надпись. Она была именно такой — не ошиблась память! И имя вспомнилось без ошибки, буква «в» в фамилии была именно сдвоенной.

Зачем память позволила вынырнуть этой информации из своих глубин, оставалось совершенно непонятным, так как смысла в этом не было.

Впрочем, наступает момент, когда память приходит в порядок и отдает всё очень легко и охотно. Этот момент — незадолго до смерти, когда перед мысленным взором человека проносятся вся его жизнь. Отец считал, что это не зря. Человеку ведь очень скоро идти на Суд Божий.

Разумеется, перед этим Судом полезно вспомнить, что именно ты натворил за отпущенные тебе годы...

Ну, а мозг Паштета, по мнению отца, был устроен таким образом, что «глубины памяти» оказались «не очень глубоки». Поэтому память раз за разом и выплескивает на поверхность порции воспоминаний — во сне. Быть может, это происходит именно во сне потому, что мозг менее загружен, ведь во время сна человек не занят элементарными вещами, вроде похода в магазин или завязывания шнурков.

Такую отец придумал теорию. Ни доказать ее, ни опровергнуть было, разумеется, нельзя. Паштет лишь бурчал, что эта его способность бесполезна. Уж лучше бы память выдавала «нагора» то, что он услышал на лекции или прочитал в учебнике. Раз услышал — и на всю жизнь запомнил! Вот это была бы красота! А так — ну сны о том, что раньше было. Подумаешь! Пользы от этой особенности — никакой.

И тем не менее особенность была. Вот и в этот раз Паштету снилась история, которая случилась с ним где-то с год назад, и именно так, как она случилась.

В тот раз они сидели в машине — Паштет, Седой, который по паспорту значился Алексеем Седых, а также их друг, Рустам Шампиров, из фамилии которого соорудили прозвище —

Шампиньон. Три приятеля, три искателя приключений. Этой компанией Паштет с первого класса верховодил, да и товарищи ему вполне подходили. Любили то же, что и он, на жизнь смотрели так же, как и он. А то, что темперамент немного разный, так это дружбе не помеха!

В общем, в тот раз друзья гуляли. Ну и девиц прихватили — как без этого! Из возможных развлечений выбрали автомобильное лихачество на машине Седого. Всё — точно по Гоголю. «Какой же русский не любит быстрой езды!»

Покатались всласть! Седой любил быстро ездить, особенно по пустым ночным улицам. Собственно, такая езда однажды уже закончилась для него аварией — он не справился с управлением и смачно впечатался в столб. Столб сломался и повис на проводах, машину потом долго восстанавливал лучший мастер Большеграда, о котором говорили, что он может возродить к жизни любой автомобильный хлам.

Кстати, Седой в тот раз совершенно не пострадал — он врезался в столб со стороны пассажирского сиденья, сам был в машине один, и за рулем, конечно. Родители попилили нердивого сына, но за ремонт машины заплатили сполна, и права у него не отобрали. Седой после этой истории стал осторожнее — ездил аккуратно месяца два или даже три. Потом всё забылось, и он начал летать на своем авто вновь.

В общем, поколесили по Большеграду они изрядно, пугая одиноких ночных прохожих визгом шин и время от времени оглашая спящие кварталы воем клаксона.

Но к трем часам ночи выяснилось — бензин в баке еще есть, а вот курево уже закончилось, закусывать нечем да и пить больше нечего тоже! И денег нет ни копейки у всех троих. Девушки сразу же поскучнели — крутость их кавалеров таяла на глазах.

— Ладно, не пузырьтесь! — сказал тогда Паштет. — Было бы в голове, — он выразительно постучал пальцем по лбу, — а в кармане — будет! У меня есть идея!

— Какая? — вяло поинтересовался Шампиньон.

Он всегда уставал раньше других. И вот теперь предпочел бы просто отправиться спать. Но разве Паштета уговоришь, когда ему что-то в голову взбрело? Шампиньон прекрасно знал: его друг — человек изобретательный и упрямый. Часто слишком упрямый. Вот какая может быть идея в три часа ночи, скажите на милость?! Может, лучше признать вечер законченным и по домам?

— Киоск будем выставлять, — сообщил Паштет с такой гордостью, будто только что придумал вечный двигатель.

— Это как? — не поняла одна из девушек. — Пистолет в окно и — давайте ваши денежки?!

Тогда лучше поехали в банк, мальчики! А что, там денег больше! Или в пункт обмена валют.

Этой черненькой вертлявой девчонке было и страшно, и интересно одновременно. Ей, дочери аптекарши и бухгалтера, так не хватало в жизни ярких впечатлений. И никогда в жизни не приходилось участвовать ни в чем криминальном!

— Пистолет — это грубо, — заявил Паштет, поморщившись (девчонка явно хочет шоу, только сидеть потом за всё это придется не ей, а Паштету!). — Мы всё сделаем красиво и элегантно. К тому же нам, строго говоря, нужны не деньги. Нам нужны сигареты, выпивка и закуска, правильно? Вот их и будем добывать. Седой, поехали на улицу Артема! [8].

— Артема — большая, — заметил Седой. — Куда именно ехать?

Он, собственно, был меньше всего заинтересован в том, чтобы затея Паштета, какая бы она ни была, удалась. Седой, хоть и был недисциплинированным водителем, за рулем никогда не пил. Так что отсутствие алкоголя совершенно не портило для него вечер.

— Поедем наверх, — сказал Паштет. — Там одинокий киоск рядом с кафе «Старый дворик». Вот из него что-то интересненькое и возьмем.

На миг в машине повисло молчание.

— Ты уверен? — осторожно спросил Седой.

— Да, — сказал Паштет и подмигнул черненькой. — А что?

— А то, что это киоск Ростика Бешеного, и ты это прекрасно знаешь! — Седой зло стрельнул глазами. — Он нас за него на запчасти разберет! Тем более что меня по номеру машины можно вычислить на раз-два!

— Факт! — вставил Шампиньон, которому тоже не очень хотелось рисковать головой ради дармовой выпивки.

— Спокуха, парни! Если бы сейчас было десять вечера, я бы туда тоже не сунулся, — заявил Паштет. — Но в три часа ночи там некому высматривать, какие у нас номера! Подумайте сами! А то, что это киоск Бешеного, даже лучше. Продавец будет расслабленным, так как уверен: у Бешеного никто, никогда и ничего не возьмет! От таких мыслей бдительность притупляется, а нам того и надо!

Ростик Бешеный был в Большеграде величиной немалой. На дворе были девяностые, недавно распался Советский Союз. Многие миллионы людей воспринимали это как трагедию. Западная жизнь свалилась на их головы, как горная лавина. Выбрались без потерь из-под этой лавины не все. Не счесть тех, кто в новой жизни растерялся и пропал!

Кто-то спился, не перенеся того, что закрылся завод, на котором проработал всю жизнь, а найти работу по специальности не смог.

Кто-то, польстившись на сладкие обещания, отдал мошенникам свою квартиру и теперь доживал бомжем, питаясь на помойках и ночуя на кладбищах.

Кто-то стал солдатом мафии, мечтал выбиться в Доны Карлеоне, но был застрелен в криминальной разборке.

Кто-то погиб в череде военных конфликтов, которые сотрясали территорию некогда единой страны. Бывшие братские народы так быстро стали не братскими...

Кто-то попробовал хлынувшие через открывшуюся границу наркотики и быстро скололся.

Многие пропали, в общем. Всех не перечесть и не вспомнить.

Большинство, впрочем, не пропало. Но и им приходилось несладко. Многие работали по полгода без зарплаты, перебиваясь чем придется. Многие прозябали, торгуя на рынках вьетнамскими куртками, китайскими майками или продавая фломастеры в электричках. Немало было и тех, кто переехал в села и пережидал трудные времена, вкалывая на огороде, опираясь на натуральное хозяйство. Тут главное, чтобы лихие люди не выкопали твою картошку раньше тебя! Людей, которые пытались защитить свой урожай, били, а порой и убивали.

С другой стороны, нельзя сказать, что капитализм подошел не всем. Это как с растениями —

одним лучше расти там, где идут обильные дожди, другим же комфортнее там, где выпадает среднее количество осадков, третьим вообще подавай пустыни и полупустыни. Вот так и с людьми — у всех разные способности, характеры, темпераменты. Были, были те, кто при капитализме расцвел, и даже очень!

Вчерашние нули, они со скоростью ракеты выбивались в короли и тузы. Предприимчивые и жесткие, наглые и нахрапистые, они отрывали куски от своей бывшей Родины, в кратчайшие сроки сколачивали состояния и боялись только других таких же наглых и нахрапистых, которые могли отобрать «честно нажитое», причем вместе с головой.

Одним из таких людей был Ростик Бешеный. В прошлом несостоявшийся футболист, теперь он гордо назывался бизнесменом. Поговаривали, что, кроме двух десятков киосков, он владеет половиной торговых мест на центральном рынке, двумя мясокомбинатами и одним молокозаводом. Еще говорили, что любовь к футболу у парня не прошла. Он то ли собирается приобрести, то ли уже приобрел футбольную команду в Чехии и со временем мечтает поднакопить деньжат и купить другую команду, в Англии. Это из того рода бизнеса, что называют легальным. Был еще и нелегальный. Знающие люди тихонечко производили слово «наркотики», но, конечно, доказать

связь наркоторговли в Большеграде с именем Ростика Бешеного не смог бы ни один прокурор.

В общем, большой был человек, даже слишком большой, и Паштет считал, что сейчас им это только на руку. Никто не станет докладывать Бешеному о той мелочи, которую он собирается провернуть сейчас! Найдут козла отпущения, и дело с концом.

— Не нравится мне это, — буркнул Седой. — Всего не предусмотрит. Вдруг кто-то всё же высмотрит номера?

— Ну так заляпай их грязью. В первый раз, что ли? Благо дождь недавно прошел!

— Ладно, как скажешь, Паштет, — ответил Седой и принялся выбираться из машины. — Если ты решил, тебя же не переубедишь...

— Мальчишки, а может, не надо? — осторожно заметила одна из девиц, худенькая, тихая, которая молчала весь вечер, да и вообще, как будто не подходила для их компании.

У девицы были светлые волосы и модная стрижка каре. Но Паштет готов был биться на спор, что совсем недавно эта тихоня носила косу, и коса ей шла куда больше, чем прическа, которую она сделала, когда решила, будто уже взрослая.

— Надо, милая, надо! — сказал Паштет не терпящим возражений тоном.

Пока Седой замазывал грязью номера, пока ехали, Паштет обдумывал план операции. В том,

что справится, он был уверен, ну или почти уверен. Сегодня они будут с добычей! И на мели он не привык быть, и перед девицами хотелось блеснуть. Он так сразу и не сказал бы, на какую именно он хочет произвести впечатление — на черненькую или на ту, светленькую. Третья девица была полновата и Паштета решительно не интересовала — толстущек он не любил.

Похвастаться перед девочками — хороший стимул. Правда, и проблемы могут быть — если девицы начнут болтать, то до людей Бешеного дойдет, кто выставил их киоск. Впрочем, Паштет с приятелями слишком мелкие сошки, чтобы Бешеному захотелось ими заниматься! Просто высчитают у лоха киоскера то, что сейчас заберет Паштет, да и забудут эту историю.

— Стань в тень, — сказал Паштет Седому, когда они подъехали. — Так номера точно никто не срисует. И мотор не глуши!

— Естественно, — буркнул Седой. — Без тебя не догадался бы.

— Шампиньон, — сказал Паштет. — Когда я подниму палец, — он показал как, — ты крикнешь: «Давай вино неси!» Да погромче, чтобы киоскер слышал!

— Хорошо.

— А от вас, девочки, сейчас требуется как можно громче смеяться! Справитесь?

— Справимся! — заверила черненькая.

Паштет усмехнулся — девица едва не танцует от восторга. Всё-таки это чересчур. Ему, с одной стороны, нравилось шокировать девчонок, а с другой — он немного презирал тех, кому нравились откровенные «плохиши».

Нет, всё-таки лучше понравиться той, которая раньше носила косу. Или не носила, и эту косу Паштет сам выдумал? Впрочем, это не главное. Девчонка — крепкий орешек, сразу видно! Для азартного человека отличная цель!

— Ладно, я пошел, — сказал Паштет и подмигнул тихоне.

Свет внутри киоска уже не горел, но Паштет знал — продавец там, внутри. Где же ему еще быть? Бешеный — человек серьезный. Подчиненные у него такие же. Так что того, кто прогуливает работу, уволят живо! А если продавец внутри, то он обязательно откроет, когда услышит стук. Зарплату-то продавец в зависимости от выручки получает, так что постарается не пропустить лишнюю копейку. Впрочем, еще посмотрим, кому сейчас копейка перепадет!

Паштет вылез из машины. Подошел к киоску. Теперь нужно постучать, но Паштет помедлил секунду.

Он стоял, вдыхая прохладный ночной воздух, и собирался с духом. Усмешечка змеилась на его тонких губах. Ему нравились эти мгновения, когда он приступал к «операции». Это так

волновало! Да и сами «операции» нравились тоже. Обманывая, обирая доверчивых людей, Паштет вовсе не чувствовал себя подонком. Нет, он видел себя победителем, ковбоем, который лихо несется куда-то на не до конца объезженной лошади. В этом было столько бесшабашности, столько крутости! Так, по крайней мере, ему казалось. Правда, был тихий голос, который поднимался из глубины души и говорил Паштету, что он несется, конечно, но совсем не туда, куда нужно. Но Паштет всегда заставлял этот голос замолчать, и это тоже ему нравилось.

Ну, всё, пора! В бой!

Паштет резко выдохнул, будто собирался влить в себя стакан водки, и довольно громко постучал в окно киоска.

— Эй, есть тут кто живой? — прокричал он, стараясь, чтобы голос звучал весело и приветливо. — Эй, народ! Открывайте!

Ветерок приятно охлаждал кожу. Несмотря на глубокую ночь, Паштет чувствовал себя бодрым, будто только что выпил крепчайшего кофе. Он всегда так чувствовал себя перед «операцией». Впрочем, если всё сорвется — что они потеряют? Только останутся без бухла и закуски. Гоняться за ними по Большеграду ночной киоскер, конечно, не будет.

В киоске зажегся свет. Спустя несколько секунд открылось окошечко, и с той стороны

показалась заспанная физиономия. Продавец был близорук и на ходу пытался нацепить на нос очки. Судя по всему, это был одноклассник Паштета, такой же студент, вынужденный подрабатывать по ночам. К счастью, это оказался не студент мединститута — случайная встреча со знакомым перечеркивала бы всю «операцию». Мошенник, который вздумал бы обобрать своего знакомого, просто сумасшедший. Паштет сумасшедшим не был.

— Чего надо? — буркнул продавец, недовольный тем, что его разбудили в то время, когда сон особенно сладок.

Обычно в три часа ночи будят те, кому не хватило сигарет. Купят пачку, да и отвалят. И выручка — чепуха, и сон перебили!

— Гуляем, брат! — сообщил Паштет, стараясь улыбаться как можно сердечнее. Улыбка у него была располагающая, и он не стеснялся этим пользоваться. — У приятеля — днюха, до утра поселиться будем! Как здоровье Бешеного?

— Он мне не докладывает, — ответил продавец неприязненно: вести пустые разговоры ему совершенно не хотелось. — Надо чего?

— Надо — всего, и много! — заверил Паштет. — Берите пакет, уважаемый. И кладите в него две бутылки вина. Да, вот того, красного. И сигарет «Честерфилд». Что — нет? Ну, тогда «Мальборо», светлые. Есть блок? Всего пять пачек?

Ну, давайте пять. Теперь вот того печенья пару упаковок, девочкам нашим понравится. Сушеных кальмаров три пачки. Да, вот тех, больших. Мой приятель сушеных кальмаров не любит, называет их «тертыми пятками», а мне нравятся. Еще давайте два пакета сока, двухлитровых. Три шоколадки. А это что? Йогурт? Давайте йогурт!

Киоскер засуетился. Он начал понимать — к нему подвалил серьезный клиент и он сейчас одним махом сделает кассу нескольких ночей! Пакет быстро наполнился.

— Что-то еще? — спросил киоскер, причем гораздо любезнее, чем говорил до этого. — Учтите — в этот пакет больше ничего не поместится.

— Ставьте пакет сюда, — сказал Паштет. — И давайте второй. Говорю же, мы гуляем и нам всего мало!

Продавец поставил пакет рядом с окошком и тут же принялся нагружать второй. В это время в машине черненькая звонко залилась смехом. По мнению Паштета, девчонка в актрисы не годилась, и смех вышел натужным. Но продавец этого не заметил. Во-первых, он всё еще не до конца смахнул с себя сон. Во-вторых, здесь, на отшибе, так помногу почти никогда не заказывали, и в нем проснулась алчность. А в-третьих, Паштет ведь дал понять, что знает — киоск принадлежит Бешеному, а значит, любая опасность исключена. С Бешеным кто захочет связываться?

— Давайте орешков пару банок, — продолжал Паштет. — И пива шесть бутылок. У вас какое? «Бавария»? Прекрасно, давайте «Баварию».

В это время он поднял палец вверх, так, чтобы Шампиньон его видел, а киоскер — нет.

— Давай носи вино! — крикнул Шампиньон из машины.

— Давайте еще одноразовых стаканчиков штук десять. Дайте вот тот сладкий рулет. Две банки кофе. Накладывайте, накладывайте! — торопил Паштет киоскера. И потом, словно извиняясь: — Сейчас, я на секундочку, девочки вина хотят!

Он схватил первый пакет с товаром, за который не заплатил ни копейки, и потащил его на улицу сквозь узкое окошко.

Киоскер и не думал его останавливать — он засовывал во второй пакет банки с кофе и не ожидал подвоха. Такой богатый клиент, да к тому же воспитанный, вежливый, — разве он может обмануть?!

Вытащив пакет, Паштет сделал два быстрых шага к машине, открыл дверцу.

— Трогай! — сказал он Седому, запрыгивая на переднее сиденье.

Взревел мотор, и машина унеслась в ночь.

— Порядок! — сказал Шампиньон, выгружая из пакета добычу. — Вино, сигареты, шоколад, сок! И даже йогурт! Гуляем! Ты молодец, Паштет! Обставил всё по первому разряду.

— Ловко! — восхитилась черненькая.

— На что хотите спорим, этот лох не успел выскочить из киоска, чтобы посмотреть номера машины! — сказал хвастливо Паштет, которому были приятны похвалы. — Наверное, только теперь окончательно проснулся. И сейчас подсчитывает убытки. Ничего, будет ему наука.

— И что теперь с ним станет? — тихо спросила светленькая.

— Ничего особенного, — ответил Седой. — Люди Бешеного заставят его отработать стоимость того, на что он попал, и все дела. Потрудится немного без зарплаты! Умнее станет.

— А вам его не жалко? — допытывалась девушка.

— Не жалко, — беспечно ответил Паштет. — Без лоха и жизнь плоха! Седой, ну притормози уже. Мне не терпится отметить!

И они отметили. Эта история действительно не имела продолжения — во всяком случае, Паштет никогда не слышал о том, что Бешеный хотел познакомиться с теми парнями, что слегка обобрали его киоск.

Вот только тихая девица, та, которая так просто представлялась с косой, больше с Паштетом и его компанией не гуляла, хотя ее и приглашали. Кстати, из той добычи она не съела ни крошки и не выпила ни капли. И кажется, после этого «вам его не жалко?» не произнесла ни слова.

Глава 3

Как же ее звали? Уже и забыл. Нет-нет, не ври себе, Паштет! Ты помнишь ее имя и даже фамилию. Довольно странное сочетание для Большеграда и, на вкус Паштета, даже немного глупое — Лиана Сухорукова. Видимо, родители были людьми с фантазией. Девчонка сама стеснялась своего экзотического имени и предпочитала, чтобы ее называли просто Линой.

Впрочем, какое ему дело до нее? Паштет не жалел о том, что эта Лиана не захотела с ними зняться. Почти не жалел.

Глава 4

«Тостеримный» остров

Паштет проснулся от страшного зуда. Зудело лицо, зудели руки, зудела шея. Еще не до конца смахнув с себя сон, он попытался встать и тут же ударился головой.

Ай! Больно! Открыв глаза, он увидел под собой песок, рядом — пистолет, а сверху днище перевернутой шлюпки. И сразу же вспомнил то, что с ним было вчера.

Ага, ну да, ну да... Он не дома. И даже не на корабле Кэпа. Он в Новой Гвинее, будь она неладна!!!

Проклятые комары здорово его искусили! Впрочем, они даже на корабле кусались, когда Кэп и его команда подплывали к этому гадскому острову! И комары не простые, комары малярийные! Какова, спрашивается, вероятность того, что он, Паштет, не заразился, тогда или сейчас? Небольшая. Очень небольшая! И это плохо...

Ладно, симптомы малярии появляются не сразу, так что сегодня мы по этому поводу грустить не будем. Сейчас надо вылезать из-под этой тяжелой лоханки. Малярия не единственная опасность. О дикарях-каннибалах нужно ведь тоже помнить! Вдруг они где-то рядом и уже заинтересовались перевернутой шлюпкой? Быть мешком со свежей кровью на потеху комарам — это еще туда-сюда. Но стать супом или шашлыком для аборигенов?! Нет, увольте! Паштет на это не подписывался!

Он перевернулся на спину, уперся ногами в днище шлюпки и одним движением перевернул ее, оказавшись на свободе. Тут же вскочил, сжимая в ладони рукоять пистолета, готовый выстрелить хоть в дикаря, хоть в крокодила, хоть в динозавра.

Но поблизости не было никого. Паштет облегченно вздохнул — кажется, пока что всё тихо! Можно опустить руку с пистолетом, оглядеться при свете дня и понять, куда же привела его любовь к опасным приключениям.

Он стоял на узком участке мокрого от дождя песка. Вчера, хоть и было темно, он правильно определил размеры этого дикого пляжа — метров двадцать пять, не более. С одной стороны пляжа был океан. С противоположной стороны — другой океан, серо-зеленые джунгли. Судя по всему, тянутся они далеко.

За джунглями — то ли холмы, то ли настоящие горы. Над горами — небо, как и вчера покрытое тучами. Вдалеке медленно парят ленивые чайки.

И нет ни малейшего следа человеческого жилья! Жаль.

Болели бока — всё же он не привык спать на голом песке. Болели перетруженные вчера мышцы, саднили стертые в кровь ладони. Ныли синяк под глазом и разбитая губа. Паштет осторожно прикоснулся пальцами — оба травмированных места изрядно опухли. Вскоре всё станет сине-зеленого цвета с багровым отливом. И заживать будет недели две, а то и три. Вот ведь лажа! И одежда, его любимая, дорогушая одежда была в ужасном состоянии! Мятая, грязная, в песке. Фу!

Плохо выглядеть Паштет не любил.

Хотелось курить. Хотелось есть. Но ни еды, ни сигарет не было. Имелась лишь фляга с остатками воды да чемоданчик с медицинскими причиндалами. Паштет открыл флягу, сделал несколько скупых глотков. Вот ведь попал! Хотя, если честно, могло быть и хуже — его мог вчера пристрелить Кэп или сожрать крокодил. А так он кое-как выпался, маленько отдохнул и готов жить дальше.

Жить? А как здесь жить? Впрочем, ответ на этот вопрос он знал еще вчера — нужно дождаться ближайшего корабля и уплыть на нем

в более цивилизованные места. А как сделать, чтобы моряки на корабле его заметили? Это известно из приключенческих книг и фильмов — нужно развести большой костер, моряки увидят огонь с дымом и пришлют за Паштетом спасательную шлюпку.

А ветки для костра — где? В джунглях, где же им еще быть! По любому выходило, что нужно идти туда, в страшный тропический лес, причем желательно не тянуть — вдруг корабль придет через час, а он, Паштет, не готов? Конечно, из-за специфики груза Кэп выбирал довольно тихие маршруты, но в океане много кораблей; надо думать, что и сюда некоторые из них забредают.

Ах, как не хочется в джунгли! Никакого динозавра там, конечно, нет. Это Паштету вчера от усталости всякие кошмары мерещиться начали. Но кроме динозавров, есть ведь много других опасностей, верно? Ядовитые змеи, например, дикари-людоеды, крокодилы, тигры со львами!

Но — надо идти, надо! Паштет вздохнул и взял со дна шлюпки кухонный нож. Молодец Седой, позаботился о товарище! Конечно, с таким мачете по джунглям сильно не побегаешь — сломается. Но если применять осторожно, то польза будет.

Держа в одной руке нож, в другой пистолет, он медленно направился в сторону джунглей,

всматриваясь в них, чтобы среагировать на малейшую опасность. Подойдя, он понял, что этот лес совершенно не похож на те леса, которые показывают в кино. Лес на экране какой? Аккуратный! Вроде бы и дикий, но он всё равно что-то вроде парка, где всё ухожено, красиво, нет ничего лишнего.

А лес, к которому приблизился Паштет, ухоженным не выглядел ни на грамм! Должно быть, какое-то время назад здесь прошел ураган и с корнем вырвал из земли всё, что тут росло. Вырвал да и разбросал как придется. А потом стихия утихла, и новая поросль начала пробиваться из земли, стремясь к небу, к солнцу.

В итоге получилось нечто невообразимое. Снизу валялось множество поваленных деревьев, их стволы уже поросли мхом. Что не закрывал мох, то закрывала остролистая трава. Она была невысока, но росла повсюду. Ну и молодых деревьев было — тьма. Они еще не успели раздаться вширь, но ввысь стремились изо всех сил, спешили вынести свои кроны поближе к вожделенным солнечным лучам. Паштету они напомнили корабельные мачты. Между этими деревьями — и на уровне колен, и на уровне пояса, и на уровне глаз — в общем, везде — было множество спутанных листьев, лиан, еще чего-то зеленого! Добавляла беспорядка и паутина, протянувшаяся то тут, то там. Паштету даже думать

не хотелось о хозяевах этой паутины, тропических пауках! Где-то он читал, что они бывают огромных размеров. Даже, кажется, могут поймать птицу! [9]. Ух, как же не хочется здесь остаться даже лишнюю минуту! А потому — надо работать, да поживее!

Паштет пристроил пистолет за ремнем брюк и принялся за дело. Стараясь не задевать паутину, он наклонился, попытался поднять какую-то ветку. Оказалось, что ветку не хочет выпускать обвившая ее лиана. Паштет обрезал лиану, высвободил ветку. Потом таким же образом добыл еще несколько ветвей с земли. Набрал охапку, Паштет отнес дрова ближе к шлюпке и сложил где-то метрах в трех от нее. Всё бы хорошо, но, пока он шел, его дважды успел укусить комар! Вот ведь! Ничего; главное, чтобы малярия свалила его не здесь, а в каком-нибудь развитом и уютном городке. Например, в австралийском... Австралия ведь рядом! В Сиднее, Мельбурне и что там еще есть. В этих городах больницы хорошие, Паштета вылечат!

Он вновь вернулся в тропический лес за топливом для костра. Схватился за какую-то лиану, потянул ее на себя, затем отрезал так много, как только сумел достать. Обрубок лианы бросил рядом с собой. Затем срезал еще одну. И еще. А вот и ветка! Сюда ее, родимую! Чего ей на земле валяться? Пусть сделает хорошее дело, станет

частью костра, который, глядишь, и спасет попавшего в беду человека!

Где-то невдалеке раздался шорох. Ноги Паштета тут же стали ватными, а тело, несмотря на жару, покрылось гусиной кожей. Он моментально выхватил из-за пояса пистолет и застыл с ним наперевес, ожидая атаки откуда угодно. Но — нет, никто не стремился на него нападать. Страх начал стихать — должно быть, какой-то лесной зверек испугался Паштета и удрал. А может, это была птица. Или даже бабочка. Вон — летают, яркие какие! Ой, вот — полетела, здоровенная! Размером не меньше ладони, крылья зеленые с черным, а брюшко желтое! Паштет не знал, что только что увидел самца самой крупной бабочки на свете, которую ученые назвали «птицекрылка королевы Александры».

Страх Паштета прошел — бабочки как бабочки, большие только. Ничего опасного!

Он отнес на кучу вторую порцию дров. Потом вернутся за третьей. Потом — за четвертой. Куча для костра росла. Правда, все дрова были довольно влажными, а куски лиан еще и зелеными. И как он станет это поджигать?! Нет, ну если б рядом была канистра с бензином, тогда было бы понятно как! Но нет ведь бензина, ни капли!

Подумав, Паштет решил, что использует для этого дела пистолетный выстрел. В чемоданчике

есть вата и спирт. Нужно смочить спиртом вату, поместить ее среди этой кучи веток, а потом выстрелить в упор, чтобы пламя из ствола подожгло вату, а горящая вата — ветки. И все дела!

Отнеся очередную порцию дров, Паштет почувствовал, что у него от голода сводит желудок. Хлеба больше нет, он был съеден вчера. Может, в джунглях есть что-то вкусное? Кокосы там или бананы?

Он опять пошел к границе джунглей, вошел в тропический лес буквально на два метра и принялся вертеть головой, пытаясь высмотреть в этом море перепутанной зелени что-то пригодное в пищу.

И вдруг увидел — ЕЕ!

Это была ЗМЕЯ, да еще какая! Она висела на ветке дерева метрах в трех от Паштета, чуть выше уровня глаз. Толстое и длинное черное туловище с желтыми кольцевыми поперечными полосами несколько раз обвилось ветку, а треугольная голова была направлена в сторону зашедшего в джунгли человека. Холодные, равнодушные глаза глядели на Паштета не отрываясь. Несколько секунд человек и змея смотрели друг на друга, а потом человек попятился, не выдержав взгляда природной убийцы.

Только оказавшись на песке дикого пляжа, Паштет повернулся к джунглям спиной и быстро зашагал к своей шлюпке. Нет, он

обойдется без бананов и без кокосов! Лучше поголодать, чем ради какого-то банана умереть от укуса мерзкой гадины! И за дровами он больше не пойдет. Конечно, было бы лучше собрать их побольше. Но пусть будет то, что будет. Даже взгляд змеи непереносим. А что уж говорить о ее зубах!

Итак — с бананами не сложилось. Что ж, до самого корабля обходиться без еды?! Хотя... Эврика! Вот ведь океан, и в нем явно полно рыбы! Можно попробовать добыть эту рыбу! Никакой удочки у Паштета нет, конечно. Зато есть рубашка!

Сняв рубашку и сложив ее наподобие мешка, он получил нечто отдаленно напоминающее то ли сеть, то ли сачок без ручки. Конечно, крупную рыбу в такое не поймать. Но мелкая, быть может, и попадется. Да-да, мы помним о крокодилах, способных жить в соленой воде. Поэтому дальше чем по пояс в воду не зайдём! Но глядишь — может, нам и повезет? И Паштет принялся ловить. Своей рубашкой-«мешком» он зачерпывал воду, каждый раз надеясь, что в этом «мешке» появится кто-то живой и съедобный. Но минуты шли за минутами, складывались в часы, и... И — ничего! Сколько труда потрачено, а ни одной рыбки не поймано! Это что же получается — если не будет корабля, то он сегодня ляжет спать голодным?! Вот же зараза!

И тут Паштет увидел перед собой нечто живое, правда, в пищу совершенно не годящееся. Это была медуза, довольно крупная, размером с голову младенца. Медуза была странной формы — будто кубик с закругленными краями. Вид этого полупрозрачного, водянистого существа вызвал у Паштета отвращение.

— Фу, гадость какая! — произнес он. — Смотреть противно! Неудивительно, что тут нет рыбы, — рыба уплыла, чтобы ее не стошнило! Пшла отсюда, мразь!

И он раздраженно шлепнул по медузе ладонью левой руки.

Миг — и руку обожгло огнем! Как будто Паштет дотронулся не до медузы, а сунул руку в раскаленную печь!

С диким воем, перемешанным с отборным матом, Паштет кинулся на берег. Рука горела, будто он засунул руку в костер по локоть и не вынимает! Неудивительно — медузу, которую он так неосторожно пытался прогнать, называют «морской осой». Это опаснейшее существо, в стрекательных клетках содержится сильнейший яд, с помощью которого медуза охотится и, если надо, защищается от врагов. Попадание ее яда в организм человека может вызвать не только острейшую боль, но и смерть.

Паштет ударил медузу ладонью, но ее длинные щупальца обвили его руку до локтя. Теперь

вся поверхность руки покрылась неровными красными пятнами. От жуткой боли Паштета затошнило, и его вырвало бы, не будь желудок совершенно пустым. И он орал, орал, орал! Но боль не проходила и даже не становилась меньше! Из-за этой дикой боли он принялся кататься на песке, совсем не думая о том, что может порвать свои драгоценные модные брюки. Рубашка мокрой бесформенной кучкой валялась, брошенная, неподалеку.

Больно, больно, как же больно! К счастью, у Паштета было молодое и сильное сердце. Сердце более слабого человека такой боли могло и не вынести! Ну когда же, когда же боль пойдет на спад?! Ведь не может же быть, чтобы боль такой силы продолжалась долго! Или — может?! Хоть бы я сознание потерял, что ли!

Больно, больно, как больно!!! Такое впечатление, будто щупальца этой гадины впиваются в руку снова и снова! Может, так и есть?! Может, часть щупалец оторвалась и к коже прилипли тысячи клеток, которые отравляют Паштета вновь и вновь?! Может, они прозрачны и потому не видны? Раз так, надо убрать остатки щупалец!

Здоровой рукой он зачерпнул горсть песка и принялся ожесточенно тереть покрасневшие раны. Нет, это не годится! От песка заболело еще сильнее, хотя, казалось бы, сильнее некуда! Тогда Паштет подбежал к морю, рухнул

на колени и принялся обмывать пострадавшую руку водой.

Но и это не приносило облегчения! Больно, больно, больно-то как! Он и не представлял себе, что на свете бывает такая боль! И главное — она не проходит, не проходит!!! Что делать-то, а?!

Он ринулся к шлюпке, трясущимися руками открыл свой чемоданчик, бросил взгляд на его содержимое. Вот и обезболивающее — всего две ампулы. Почему так мало?! Ладно, пока что это не важно! Быстрее колоть, вдруг поможет!

Конечно, не было никакой гарантии, что это обезболивающее поможет от яда медузы. Более того, не исключалось, что попадание нового лекарства в кровь только усилит бедственное состояние Паштета: сочетание разной химии в человеческом организме — хитрая штука! Но терпеть эту боль он больше не мог и решил рискнуть. Пусть даже после укола у него случится инфаркт — всё лучше, чем такая пытка!

Шприц с вожденным обезболивающим прыгал в руке, и Паштет подумал, что может не попасть в вену с первого раза. И всё же чудовищным усилием воли он на миг заставил руки не дрожать. Попал! Лекарство введено в организм. Теперь осталось подождать и увидеть, действует или нет!

Но больно, как больно-то! Паштет закрыл чемоданчик, но не сдержался и вновь завопил.

Неужели лекарство не подействует?! Нет, так не должно быть, это неправильно! Он с ума сойдет! Невозможно терпеть, когда такая боль!

Тут он мельком взглянул в сторону джунглей. Взглянул и...

И увидел **ДИКАРЯ!**

Наверное, коренной житель острова услышал вопли Паштета и решил посмотреть, в чем тут дело. Абориген стоял на самом краю серо-зеленого леса, среди лиан и листьев, темнокожий, кучерявый, с лицом, разрисованным чем-то красным. Стоял и неотрывно смотрел на Паштета.

От неожиданности Паштет вскрикнул еще раз. Душа ушла в пятки, ладонь нашарила пистолет и сжала его рукоятку. Большой палец, кажется без всякой связи с мозгом, опустил вниз флажок предохранителя. И тут же указательный палец спустил курок.

Грянул выстрел! Паштет израсходовал свой единственный патрон, и не для того, чтобы поджечь костер, как собирался. Он пальнул в дикаря! Выстрелил и только потом понял, что дикарь был очень маленького роста. Ребенок? Может быть!

Дикарь тут же исчез из виду. Убежал, так как Паштет промахнулся? Или упал, сраженный пулей? Теперь этого не понять. Но главное — выстрел наделал много шума. Дикарь здесь явно не один! Сейчас из джунглей выскочат его родственники, и тогда...

В ужасе Паштет вскрикнул еще раз, схватил свою мокрую рубашку, медицинский чемоданчик, нож-«мачете» и пустился наутек!

Он несясь вдоль берега и больше не думал о корабле, о костре, об оставленной лодке, о возвращении в цивилизованный мир. Бежать, бежать!!! Как можно быстрее! Как можно дальше!

В школе длинноногий Паштет обгонял многих и многих. И теперь можно было быть уверенным — он несется как лань и дикарям будет не просто его догнать. С другой стороны, он никогда не был по-настоящему выносливым. Вскоре он выдохнется (тем более что рука не перестает гореть болью), дикари его нагонят, и — что тогда?!

«Господи, Господи, Господи, помоги! — рвалось из груди. — Господи, Господи, Господи!»

Сколько лет он не молился? Наверное, лет десять назад он решил, что вера, которой пытается научить его отец, просто чепуха и правды учителя в школе, которые утверждают, что Бога нет. С тех пор он отказался вставать со всей семьей на вечерние и утренние молитвы, перестал молиться перед едой, оставался дома, когда брат и сестры шли в храм. Он больше не слушал Евангелие, которое по вечерам читал семье отец. Ему были смешны разговоры о вере, которые часто велись в их доме.

Паштет считал себя крепким, убежденным атеистом. Он не раз попадал в переделки: бурная

жизнь мошенника и вора этому способствовала. И в переделках он не просил помощи у Бога.

Он не молился, когда на суде получал свой первый условный срок. Он не молился, когда совершил то, за что должен был быть судим во второй раз. Он не молился, когда крал на корабле героин и когда Кэп решал, что же с ним, пойманным на воровстве, делать. Он не молился тогда. Молитвы сделали бы его похожим на отца, мать, сестер и брата, которых он не понимал, не уважал и даже немного стеснялся.

Но он молился сейчас, ведь за ним гнались каннибалы! Сейчас они догонят его и съедят! Как это мерзко, как это невыносимо гадко — быть съеденным, как будто ты не человек, а какая-нибудь свинья, курица или корова!

«Господи, помоги! Господи, помоги! Господи, помоги!»

Гулко ухало сердце, напоминая своему обладателю, что оно не железное и такого издеательства может не выдержать. Но Паштет всё бежал. Лучше умереть от разрыва сердца, чем быть пойманным и знать, что тебя волокут на костер!

Внезапно ему пришло в голову, что дикари могут иметь систему связи на расстоянии. Скажем, зажгли где-то сигнальный костер или помахали с дерева сигнальным флажком. А может, подули в какую-то сигнальную дудку. И таким образом предупредили — бежит к вам вкусный

Паштет, встречайте! Он и на самом деле бежит быстро и не думает о том, что на узком участке песка виден как на ладони и вот сейчас, быть может, его окружают спереди и сзади, и тогда...

В ужасе он свернул с открытого для всех глаз пространства и побежал туда, где ветки деревьев, листья и лианы могли скрыть его от всех любопытных, голодных и жаждущих мести за убитого или раненого родственника.

Паштет побежал в джунгли!!!

Да, он бежал туда, в это царство буйной растительности и опасных животных. Там жили ядовитые змеи, и всё же он бежал туда. Там малярийным комарам не мешал даже ветер, и всё же он бежал туда. Там были крокодилы с их страшными зубами. И всё же он бежал туда! Потому что ни змея, ни крокодил не были так мерзки, как твой собрат-человек, готовящий из тебя ужин!

Паштет нырнул в это море зелени и сразу же вынужден был снизить скорость. Да, здесь его не слишком видно, но тут и не побегаешь! Джунгли препятствовали его пути, они не пускали его, хватали колючими шипами, старались запутать ноги в лианах! Он махал перед собой своим ножом-«мачете», и, быть может, это помогало, но вряд ли сильно! Растительность, растительность, кругом эта проклятая растительность! Казалось, она пытается занять каждый

сантиметр, каждый миллиметр пространства!
А еще эти упавшие и поросшие мхом деревья!
И как эти дикари здесь живут?!

Бежать, бежать! Как страшно болит в груди, как колет в боку и до сих пор не перестало жечь руку, пострадавшую от проклятой медузы! Но нужно бежать! А если не получается бежать, то хотя бы идти, но как можно быстрее.

«Господи! Помоги мне, Господи!!! Я не хочу, чтоб меня съели! Это мерзко, гадко, подло!»

В итоге Паштет остановился, обессиленный. Сердце выпрыгивало из груди, колени подкашивались, и двигаться он больше не мог. Что там, сзади? Гонятся за ним эти проклятые каннибалы? Или не гонятся?! Если гонятся, то надо бы спрятаться! Но куда? Залезть на дерево? Но сил на это совсем не было.

И вдруг Паштет заметил кучу палых листьев, как будто какой-то дворник нагреб их да и оставил тут. Паштет удивился — откуда в джунглях дворник? И не заметил, как с кучи вспорхнула черная птица с ярко-красной головой. Это и был «дворник», точнее говоря — сорная курица.

Сорные куры — обитатели Австралии, Новой Гвинеи и некоторых близлежащих островов, которые откладывают яйца в своеобразный «инкубатор». Для этого они нагребают кучи из земли, палых листьев, кусков лиан и прочего мусора. Кучи эти бывают огромными — до десяти метров

в диаметре и до трех в высоту. Внутри кучи начинается процесс гниения — благо вокруг тропики, температура там становится довольно высокой! Вот в эти теплые кучи куры и кладут яйца, а спустя положенное время из них успешно появляются цыплята.

Куча, встретившаяся Паштету, была средних размеров, не больше метра в высоту и метров пяти в диаметре — сорная курица еще не успела «закончить» ее. Но вконец измотанному Паштету годилась и такая! Он быстро забрался внутрь кучи, постаравшись как можно лучше закрыть листьями все свое тело. Конечно, маскировка получилась так себе, но это было лучше, чем стоять свечой посреди джунглей, держась за сердце, и ждать, пока тебя схватят.

В куче было затхло и воняло листвой. Теперь Паштет не мог видеть, что происходит снаружи. Он весь обратился в слух. Идут дикари? Или не идут? Ищут его? Или не ищут?!

«Господи! Господи! Сделай так, чтобы они меня не нашли!»

Но вроде бы ничего опасного не происходило. Постепенно сердце перестало стучать о ребра — Паштет успокоился. Кажется, если дикари и искали его, то не нашли! К тому же начало действовать обезболивающее, боль в руке, обожженной медузой, стала затихать. Наручных часов у Паштета не имелось, но, по его прикидкам,

уже должен был наступить вечер. А там и ночь не за горами. Он долго прикидывал: выбраться ли из кучи, когда стемнеет, или подождать утра. Но обезболивающее имело снотворный эффект. Паштет постепенно начал неудержимо зевать, проваливаясь в дрему, а потом и вовсе заснул.

Оглавление

Глава 1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ	7
Глава 2. ЗНАТЬ БЫ ЕЩЕ КУДА.....	24
Глава 3. БЕЗ ЛОХА И ЖИЗНЬ ПЛОХА.....	40
Глава 4. «ГОСТЕПРИИМНЫЙ» ОСТРОВ	59
Глава 5. ТАКИЕ РАЗНЫЕ БРАТЬЯ	78
Глава 6. СУМАСШЕДШИЙ «ИНДЮК»	96
Глава 7. ПЕРВЫЙ СУД	118
Глава 8. ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ	133
Глава 9. ТАК СТАНОВЯТСЯ МОРЯКАМИ	152
Глава 10. ЭТА ЖУТКАЯ МАЛЯРИЯ	170
Глава 11. ЧУДО ПРОИЗОШЛО!	188
Глава 12. ДОМ НА ДЕРЕВЕ	208
Глава 13. ВЕТХИЙ ЧЕЛОВЕК И НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	227
Глава 14. ЯЩЕРИЦА	247
Глава 15. ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ	268
Глава 16. ЛЮДИ ИЕРГА	285
Глава 17. ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ	304
Глава 18. ТОТ, КОМУ НИКТО НЕ ВЕРИЛ	322
Глава 19. СТРАННЫЙ ПЛЕННИК	340
Глава 20. КТО МОЙ БЛИЖНИЙ, ГОСПОДИ?	358

Содержание

Глава 21. ТРУДНОСТИ ЗНАКОМСТВА	375
Глава 22. БЕЗУМНЫЙ КОНЕЦ БЕЗУМНОГО ДНЯ	393
Глава 23. ПОДАЛЬШЕ ОТ ПАЦИЕНТА	411
Глава 24. КОНТАКТ	434
Глава 25. ПАПУАССКИЙ ПРОМЕТЕЙ	452
Глава 26. С БЛИЖНИМ НА ШЕЕ	473
Глава 27. КАК РАССКАЗАТЬ ЕМУ О ХРИСТЕ?	494
Глава 28. И ВНОВЬ БЬЮТ БАРАБАНЫ	513
Глава 29. БОЛЬНАЯ ДЕВОЧКА	531
Глава 30. ДА ЗДРАВСТВУЕТ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ!	552
Глава 31. ТРЕТИЙ ЗАХОД	570
Глава 32. ПОДРОСТКИ ЕСТЬ ПОДРОСТКИ	588
Глава 33. В УКРЫТИЕ, ВРАЧИ!	609
Глава 34. СОРОК ДНЕЙ НА ПОКАЯНИЕ	619
Глава 35. ОСТРОВ СТРАХА	631
Глава 36. ИЗБРАННЫЙ	646
Эпилог. ПИСЬМО НА ИМЯ ПЕТРА ВОСКОБОЙНИКОВА	666
Примечания	680